

УДК 81.161.1'374
ББК Ш141.2-4

ГСНТИ 16.21.47; 16.21.65
И. Г. Добродомов I. G. Dobrodomov
Москва, Россия Moscow, Russia

Код ВАК 10.02.01

ИЗ ИСТОРИИ ДВУХ ЖАРГОНИЗМОВ:
ПАЦАН И ШКЕТ
НА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ФОНЕ

Аннотация. История двух жаргонных наименований 'мальчика / молодого человека' рассматривается на основе словарей и художественных текстов в меняющемся социальном контексте XX в.

Ключевые слова: жаргонизм; лексикография; история слова; источники.

Сведения об авторе: Добродомов Игорь Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания.

Место работы: Московский педагогический государственный университет.

Контактная информация: 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.
e-mail: filfac@mpgu.edu.

Слово *пацан*, имеющее в современном языке ярко выраженную сниженную окраску и обычно в русских текстах без особых целей не употребляющееся, в словарях и текстах XIX в. не отмечено и появляется только в 20-х гг. XX в., что продемонстрировано в недавней статье новосибирского языковеда М. Т. Дьячка [Дьячок 2007: 110—116]: «Первым письменным свидетельством его существования является, видимо, отрывок из „Тихого Дона“ М. А. Шолохова: „Пацан, неси сюда!“ (среди реплик на привокзальной площади в Ростове; кто говорит, непонятно, возможно, один из упомянутых чуть выше матросов-черноморцев) (Шолохов. Тихий Дон. Книга 2, 1928 г.). Чуть позже слово *пацанёнок* в нейтральном значении использовано у Н. А. Островского в речи кочегара Андрея Птахи: „Василёк, братишка! Пацанёнок... Васька, стервец!“ (Островский. Рожденные бурей, 1936 г.). Эти два примера по-своему показательны. Во-первых, они явно указывают на южное (причерноморско-южноукраинское) происхождение слова. Во-вторых, и в том, и в другом случае слово *пацан* использовано для характеристики представителей люмпенизированной среды» [Дьячок 2007: 111].

Однако относительно слабое распространение этого слова в текстах (особенно ранних) советского времени автор ошибочно объясняет идеологическими причинами, как бы забывая о верно им установленном происхождении лексемы *пацан* из «люмпенизированной среды», которая высоким престижем в обществе не пользовалась, как и слова, вышедшие из этой среды: «В сталинскую эпоху с ее жестким контролем над литературой и литературным языком слово *пацан* не часто появляется в произведениях печатной словесности. Ср., однако, следующие примеры: Я, пацаном когда был, в Америку совсем уже бежать собрался, золото в Клондайке искать. Стацил двуствол-

FROM THE HISTORY
OF TWO JARGONISMS (*PACAN & ŠKET*)
ON THE LEXICOGRAPHICAL BACKGROUND

Abstract. The history of two slangy names for 'boy / young male person' is analyzed on the basis of dictionaries and fiction texts in the changing social context of the XXth century.

Key words: jargonism; lexicography; word history; sources.

About the author: Dobrodomov Igor Georgievich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Moscow Pedagogical State University.

ку у отца, сухарей набрал. Даже на норвежскую шхуну забрался. Мы во Владивостоке тогда жили (Некрасов В. В окопах Сталинграда, 1946); — Не ходи с ними, пацан, — вязалася вдруг Борька. — Давай, лучше врасшибалочку постукаем (Рыбаков А. Кортик, 1948)» [Там же].

Следует обратить внимание на то, что в этих примерах слово *пацан* употреблено в прямой речи персонажей, выступает их речевой характеристикой. Голословному тезису об идеологическом давлении противоречит также далее приводимый в рассматриваемой статье пример употребления слова в авторской речи с многозначительными кавычками, которые говорят о чуждости слова литературному языку, о принадлежности его к местному колориту: «Для понимания семантики слова показателен следующий, чуть более поздний, пример: Он [Эдуард Багрицкий] напоминал то ленивого матроса с херсонского дубка, то одесского «пацана»-птицелова, то забытого бойца из отряда Котовского, то Тиля Уленшпигеля (Паустовский К. Золотая роза, 1955)» [Дьячок 2007: 111—112].

Естественные кавычки и при употреблении этого слова в авторском тексте в более раннее время: Ни одна из артелей каменщиков не хотела взять к себе „голосивших пацанов“, как называли пожилые сезонники комсомольцев [Кандыба 1931]. В некоторых случаях это слово подается не только в кавычках, но и с разъяснением и даже с обозначением уже несколько странного для нашего времени ударения: ...Чтоб скрыть детскую нежность своего голоса, он говорил с хрипотцой и подозрительно косился на Фильку, опасаясь, как бы тот не принял его за „пацана“, т. е. за маленького мальчика [Шишков 1931: 26]. Далее в прямой речи персонажа без кавычек, но с ударением: Я по-твоему пацан?! То же в издании

1932 г. [Шишков 1932: 19, 20]; позже знаки удаления сняты [Шишков 1961: 24, 25].

Употреблялось это слово и без кавычек, чаще всего в произведениях о беспризорных, в стилизованных сказовых контекстах для создания языкового колорита и в прямой речи персонажей, например у Л. Пантелеева (А. И. Еремеева), причем часто вместе с синонимичными словами в ближнем контексте; правда, в некоторых случаях слово *пацан* в первых изданиях произведения отсутствовало и было введено лишь в переизданиях, как это произошло в рассказах Л. Пантелеева (А. И. Еремеева): *Вскочил чернявенький хлопчик, кисточку бросил, руки вытер. — Идем, — говорит, — пацан* [Пантелеев 1928б]; *Выдался как-то очень хороший зимний денек. Снегу насыпало — не пройти. Это было в субботу. На следующий день ребята с утра достраивали свою крепость, когда над их головами в безоблачном зимнем небе появился старый новодеревенский знакомый „Хеншель-126“.* На этот раз он прилетел очень кстати. ИграТЬ стало еще интереснее. — Воздух! — закричал Коська Мухин, маленький, веснушчатый пацан по прозвищу „Муха“ [Пантелеев 1944]; *Мамочка подошел ближе и с ужасом увидел, что в ящики, скорчившись, в неудобном положении, сидит маленький белобрысый паренек в изодранной белой рубахе и взбитом на сторону красном галстуке.* В этом пацане Мамочки без труда узнал одного из тех, кто приходил в Шкиду брать над нами шефство [Пантелеев 1962]; *Ленька не выдержал и кинулся к малышам. — Эй вы, бужане!* — закричал он. — Цыц по местам! Ну, что я вам сказал? Живо! — *Ленька взял за плечи и толкнул к дверям двух-трех пацанов* [Пантелеев 1970, 2: 447] (в первом издании [Пантелеев, Белых 1927: 7]: толкнул к дверям двух-трех парнишек); *Наконец осмелел — пощупал плетеночку, потрогал: тяжелая. Перетянута корзинка сыротятым ремешком, чтобы нести было за что. На лучинных петельках замочек висит. Маленький. Его пятилетний пацан сковырнет* [Пантелеев 1970, 1: 398]. В отдельном издании [Пантелеев 1928а] соответствующий контекст отсутствовал.

Уже в середине 20-х гг. XX в. социологи обратили внимание на употребление этого слова в юношеском жаргоне в школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) киевских кожевенных заводов и предприняли неудачную попытку этимологизации при опоре на несуществующий украинский материал, что отражено в книге К. Езерского [Езерский 1926: 101—102]: «Украинский, русский, еврейский элементы перемешиваются, и узор юношеской речи в лингвистическом отношении оказывается весьма пестрым. Нужно, однако, отметить еще одно явление, характерное для юношеского жаргона: очень часто слова получают в нем значение, отличное от того, какое они имели в

языке, откуда они были заимствованы. Так, например, известно, что в нашем крае фабзачники сплошь называют друг друга „пацанами“. Слово это получило всеобщее признание и по смыслу равносильно слову: *подросток, мальчик, молокосос*. Очень часто ученики старших групп фабзачника называют „пацанами“ младших своих сотоварищей и обижаются, если к ним прилагают это название. Между тем, „пацан“ — слово украинское и означает: *подсвинок, молодой кабан*. В главе «Фабзачники и язык» помещен краткий тематический словарик юношеского жаргона, где фигурируют слова *пацан* и *пацанка* с синонимами: «**Подросток, мальчишка** — пацан (украинское подсвинок), шкет. **Девушка** — пацанка, симаха (девушка, за которой ухаживают). Это его подруга — это его симаха» [Там же: 108].

К тому же десятилетию относится и фиксация слов: «**Пацан** — мальчишка; **Пацанка** — девчонка; **Паценок** — молодой парень», — в милиционском словарике [Потапов 1927: 113—114], в котором, к сожалению, много опечаток и отсутствуют ударения, поэтому за написанием *паценок* может скрываться как нормальное уменьшительное *пацанок*, так и *пацанёнок* с ненормативной суффиксацией: в русском языке суффикс *-ёнок-* обычно используется для образования названий молодых существ от названий взрослых.

В связи со сказанным надо внести небольшую поправку в сведения М. Т. Дьячка о первой фиксации слова *пацан* (и *пацанка*) в русских словарях: «В конце 1920-х гг. слово получает и свою первую словарную фиксацию. А. В. Миртов включает его в словарь „Из лексикона ростовских беспризорников и боярков“, определяя значение слова очень лаконично: *пацан* — „мальчуган“ [Миртов 1929: 412]» [Дьячок 2007: 111]. К сказанному стоит добавить, что в этом же словарике А. В. Миртов поместил синонимы из лексикона ростовских боярков и беспризорников: *валёт* — ‘мальчик’ [Миртов 1929: 409]; *гáврик* — ‘чудак, хитрец, иногда — малыш’ [Там же: 410]; *шкет* — ‘1) человек маленького роста. 2) мальчик. 3) проходимец’ [Там же: 414]. А. В. Миртовым отмечено и проникновение слова за пределы среды деклассированных элементов, в народные говоры: «**Пацán** — уличный мальчик. Новое городское слово <со ссылкой на запись в Ростове и Новочеркасске — И. Д.>, проникающее уже в станцу. Вариант *бацан*» [Там же: 224].

Однако распространение слова не было стремительным: «Очень интересны свидетельства современников той эпохи. Так, по словам писателя и филолога Г. П. Помазкова (род. 1922), уроженца станицы Тацинской Ростовской обл., слово *пацан* не использовалось в речи жителей казачьих станиц в 30-е гг., но его можно было услышать в Ростове, Таганроге и других крупных городах юга России. При этом слово *пацан* обозначало мальчиш-

ку 12–13 лет — сорванца и хулигана» [Дьячок 2007: 111].

В кратком трехтомном «Словаре русских донских говоров» [Словарь русских донских говоров] ни пацан, ни бацан не зафиксированы, но это вызвано не отсутствием слова в этих говорах, а наличием лексемы в академической лексикографии, куда слово неожиданно попало в середине 50-х гг. XX в.

Одновременно в 20-е гг. XX столетия слово пацан проникло и на Север России, как это было отмечено А. М. Селищевым в книге «Язык революционной эпохи» на фоне общего явления: «За последние годы получили широкое распространение слова из „жаргона преступников“. Эти слова переняты были сперва лицами низших, а затем средних слоев городского населения и лицами фабрично-заводской среды» [Селищев 1928: 75].

Особо интенсивно подобные слова распространялись среди молодежи: «Слова воровского жаргона „блатной музыки“ в особенности сильно распространяются в молодом поколении фабрично- заводской среды ... и среди учащихся в школах I и II ступени. Учащиеся воспринимают эти слова от окружающей среды дома и вне его. За стенами дома в значительной степени воздействуют на отдельных учащихся беспризорные <выделено А. М. Селищевым — И. Д.>. Некоторые школьники младшего возраста дружат с ними и перенимают их речевую манеру, жаргонные слова, которые воспринимаются ими (школьниками) как слова особой эмоциональной значимости» [Селищев 1928: 78—79]. В процитированной книге приводятся следующие слова такого рода, обозначающие малолеток (лексемы собраны в 1925—1926 гг. в школах Ярославля ассистентом Ярославского педагогического института С. А. Копорским и, по наблюдениям самого А. М. Селищева, употребляются также в Москве и Казани): валéт (мальчик); оголéц — агалéц — пацáн (мальчишка); шкет — оголéц [Селищев 1928: 79].

В материалах С. А. Копорского кратко описывается характер употребления жаргонизма в речи ярославских школьников («„Шпана, агалец, пацан“ — просто шутливые клички» [Копорский 1928: 47]), в приложенном к статье словарике приводятся синонимические ряды: «Агалéц, агалéльчик — мальчишка. Слово с оттенком презрительным. См. шпингалет, пацан. В воровском жаргоне заменяется теперь словом „пацан“. Даль: Голéц — голыш, нагиш, бедный. Трахт.: Оголéц — несовершеннолетний преступник; Потапов» [Копорский 1928: 49]; «Оголéцъ. См. галецъ»; «Голéцъ. „Блатной“ мальчишка; несовершеннолетний преступник. Называется также „огольцомъ“, „гольчикомъ“, а въ тюрьмахъ южныхъ губерний — „лощомъ“. „Голецъ“, надъ которымъ практикуется одна изъ отвратительнейшихъ формъ тюремного разврата, носить кличку „плашкета“ или „мар-

гаритки“» [Трахтенберг 1908: 42, 18]. Фактически С. А. Копорский приводит выписку из словарика С. М. Потапова («**Оголец** — несовершеннолетний преступник, дачный вор»; «**Отaleц** — начинающий вор, подросток» (явная описка. — И. Д.) [Потапов 1927: 106, 107]. Приведем еще синонимы: «валéт — см. агалéц, пацáн. Д.: холоп, хлап, холуй, хам. Потап. „валет червонный“» [Копорский 1928: 50]. «**Пацан** — агалец, шпингалет. „Эх, ты, пацененок!“. Завезено из Харькова. У шпаны: *тут пацаны, не наши были*. Трахт.: **Пацан** — мальчишка» (У В. Ф. Трахтенberга этого слова нет. — И. Д.). Ф3. Пот.» [Копорский 1928: 55]. «**Шкет** — тонкий, худой человек, агалец, шпингалет. „Шкет — карманное брюхо!“ (дразнят). У шпаны теперь заменено словом „пацан“. Трахт.: „Подросток, арестант, исполняющий пассивную роль в педерастии“. Теперь слово, как будто устарело. 3» [Копорский 1928: 56]. Ср.: «**Шкетъ**. То же что и „плашкетъ“, «**Плашкетъ**. См. голец» [Трахтенберг 1908: 67, 46]. «**Шкет** — подросток, мальчик; молодой, маленький»; «**Плашкет** — подросток, арестант, исполняющий пассивную роль в педерастии; мальчик, дитя» [Потапов 1927: 189, 118].

В 20—30-х гг. XX в. жаргонизм пацан и его производные отмечались в разных местах, и не только на юге России: в Киеве (К. Езерский), Ростове, Новочеркасске (А. В. Мицков), Таганроге (Г. П. Помазков), Ярославле (С. А. Копорский), Москве, Казани (А. М. Селищев). С. А. Копорский, к сожалению, не сообщает источник информации о «завозе» в Ярославль жаргонизма пацан из Харькова. Можно предполагать, что это мнение возникло у него под влиянием книжечки К. Езерского «Фабзайцы», изданной в Харькове, хотя в самой книжке речь идет о Киеве.

Отсутствие слова пацан в статьях 1927 г. о языке школьников Перми и Москвы не может служить абсолютным указанием на неупотребительность его в этих городах, поскольку списки слов в этих статьях не носят исчерпывающий характер. В Перми отмечены слова шкет и плашкет (по В. Ф. Трахтенбергу) [Богословский 1927: 23, 24], у М. А. Рыбниковой — следующие: шкет — маленький, мальчишка; шпингалет, шпинарет, шпендрик — презрительно о мальчишке [Рыбникова 1927: 245]. В связи с этим нельзя полностью согласиться с мнением об узком распространении жаргонизма пацан в первые два десятилетия советского периода, высказанном М. Т. Дьячком: «Однако в 20-30-е гг. XX в. слово пацан, судя по всему, воспринималось как региональный экзотизм. Характерно, что оно не встречается в произведениях таких писателей, как М. Горький, А. Платонов, М. Зощенко, М. Булгаков, С. Есенин, Ю. Олеша, А. Мариенгоф, О. Мандельштам, Л. Сейфуллина, И. Бабель, В. Катаев, А. Пантелеев и многих других» [Дьячок 2007: 111]. Перечень писателей, не употреблявших

слова *лацан*, требует проверки и уточнения; упомянутый в нем Л. Пантелеев (А. И. Еремеев) в своих автобиографических произведениях «Республика Шкид» (1927, в соавторстве с Г. Белых) и «Ленька Пантелеев» (1939) действительно не пользуется этим словом, активно употребляя синоним последнего *шкет*, но слово *лацан*, как уже было показано, не было ему чуждо. (Действие упомянутых произведений связано с Петроградом — Ленинградом, куда южное слово тогда еще, возможно, не дошло.) Любопытно, что слово *шкет* было зафиксировано в городском языке Петербурга, еще до эпохи Петрограда — Ленинграда: «**Шкетъ**, а, м. — молодецъ, удалецъ на языке воровъ. Петербург» [Водарский 1912: 405].

Любопытно, что родившийся в Петербурге и живший в нем до революции М. Р. Фасмер поместил в своем этимологическом словаре слово *шкет* на основании его фиксации В. А. Водарским, но дал отклоняющееся от первоисточника толкование (по-немецки: *junger Frechling* ‘молодой нахал’ и *frecher junger Mann* ‘нахальный молодой человек’): «**Шкет** ‘*junger Frechling, frecher junger Mann*’, *gaunerspr.*, Peterburg (RFV 68, 405). Vgl. ital. *schietto* ‘*oferherzig*’, das auf germ. **slichts* ‘*slicht*’ zurückgeführt wird, s. Meyer-Lübke Rom. Wb. 663» [Vasmer 1958, 3: 406]. В русском переводе толкование слова дается по В. А. Водарскому: «**шкет**: „молодец, удалец — на языке воров“, аргочич. петерб.” [Фасмер 1973, 4: 448]. Отклонение от толкования, предложенного В. А. Водарским (*молодец, удалец*), в немецком тексте нельзя объяснить неточностью перевода: вероятно, М. Р. Фасмер опирался на собственное восприятие петербургского жаргонизма начала XX в. *шкет*, о котором ему напомнила публикация В. А. Водарского.

Жаргонное слово *лацан* не попало в «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, несмотря на то что данный лексикографический источник хорошо отражал новации литературного языка начала советской эпохи, зато этот словарь зафиксировал два синонима-конкурента интересующего нас слова, которые, по меткому наблюдению С. А. Копорского, в разговорной бранной сфере уже вытеснялись в 30-е гг. словом *лацан*: «**ОГОЛЁЦ**, лъца, м. (простореч., бран.). Мальчишка-озорник» [Ушаков 1938, 2: стб. 750]; «**ШКЕТ**, а, м. (простореч. бран. из воровск. арг.). Мальчишка, подросток» [Ушаков 1940, 4: стб. 1348].

Все эти жаргонизмы не были включены С. И. Ожеговым в его строго нормативный однотомный «Словарь русского языка», первое издание которого было выпущено в 1949 г. При этом жаргонное слово *лацан* почему-то попало в большой академический «Орфографический словарь русского языка» [Орфографический словарь... 1956: 665], где оно без специальных помет дается общим списком рядом с совсем не жаргонными словами.

Кто, когда и на каких основаниях включил это далеко не литературное слово в общий список, остается неясным. Подготовка словаря началась на базе словарей и академической словарной картотеки в Ленинграде под общим руководством академика С. П. Обнорского при участии научных сотрудников Академии наук СССР И. К. Зборовского, М. А. Соколовой, Л. С. Ляпуновой, Б. В. Лаврова и др. и была завершена в Москве при активном участии С. Е. Крючкова, С. Г. Бархударова, Н. И. Тарасовой, Л. В. Усачевой, Б. З. Букчиной и М. В. Найденовой. Этот большой словарь получился не без досадных, неожиданных промахов, которые впоследствии частично были исправлены, а частично сохранились до сих пор.

Так, традиционное название польского солдата *żolnér* (также с другим ударением: *żólner*) дано в словаре в ошибочной форме *жолнёр*. См. об этом: [Добродомов 2003: 70—72; Добродомов 2004: 91—93]. Из двух сходных слов *калут* и *каюк* первое получило характеристику несклоняемого существительного мужского рода: «**калут**, нескл., м.» [Орфографический словарь... 1956: 361], а второму была приписана неизменяемость вместе с ограничением употребления его только «в значении сказуемого и междометия» без указания грамматического рода: «**каюк**, неизм., в знач. сказ. и межд.», — хотя отмечался склоняемый омоним: «**каюк**₂, а (подка)». Существительные *лафа* и *тырын-трава* почему-то были ошибочно квалифицированы как соответственно несклоняемое и неизменяемое без объяснения разницы в содержании этих терминов: «**лафа**, нескл., ж.» [Там же: 424]; «**тырын-трава**, неизм.» [Там же: 1082]. При явном междометий-звукоподражании стоит зачем-то излишняя помета о его неизменяемости: «**тырюх-тырюх**, неизм.» [Там же: 1082].

К промахам словаря относится и безоговорочно необоснованное включение в него жаргонного слова *лацан*.

Любопытно, что в подготавливавшийся параллельно с «Орфографическим словарем русского языка» тем же самым Институтом языкоznания АН СССР другой аналогичный словарь «Русское литературное произношение и ударение» [Русское литературное произношение и ударение 1959] слово *лацан* не попало. К сожалению, в более поздний орфоэпический словарь по неосмотрительности было включено не вызывающее проблем с точки зрения орфоэпии жаргонное слово без каких-либо стилистических помет: *Лацан*, *лацанá* [Орфоэпический словарь... 1985: 369]. Обращает на себя внимание новое, по сравнению с произведениями В. Я. Шишкова, ударение в косвенных падежах.

Зафиксированное в академическом орфографическом словаре [Орфографический словарь... 1956], вскоре существительное *лацан*,

снабженное стилистическими пометами, оправдывающими его введение цитатами из источников 30—40-х гг. XX в. и кратким синонимическим толкованием, безосновательно и совершенно неожиданно было включено в Малый академический словарь: «**ПАЦАН**, á, м. Груб, прост. мальчишка. Пришел ко мне пацан. Лет ему, вероятно, двенадцать, а может, и меньше. Макаренко, Книга для родителей. — Дядя, это Кочубей, — не отставая, убеждал Володька. — Не ори, пацан! — прикрикнул на него раздраженный машинист. Первенцев, Кочубей» [МАС₁, 3: 45]. Стремление к полноте лексического материала побудило нормативность справочника.

В вышедшем чуть позже [См.: Сводный словарь..., 1: 4] в том же 1959 г. Большом академическом словаре [БАС 1959, 9: стб. 326—327] в статье на слово пацан указание на грубую окрашенность почему-то было снято, а в иллюстративную часть была добавлена цитата из повести А. Н. Толстого 1937 г. «Хлеб» (*Возвращается Аникей Борисович в Калач, а у него там жена и сын Ванька — пацан лет пятнадцати — здоровый, в отца*); также в этом словаре приводятся два производных — пацанёнок и прилагательное пацаний, взятые из художественной литературы 1930—1940-х гг., где они употребляются преимущественно в прямой речи персонажей, но не в авторской речи:

«**ПАЦАНЁНОК**, нка, мн. пацанята, м. Простореч. Уменьш.-ласк. к пацан. Сквозь сон... Игорь слышал, как Максим с сожалением и грубою нежностью говорил: „И сладко же дрыхнет пацанёнок, даже будить жалко!“ Карав. Разбег. — Что ж ты раньше не явился!.. Он тебя ежеминутно вспоминал, русый ты пацаненок. Львова, Настойч. характер».

«**ПАЦÁНИЙ**, ь я, ь е. Простореч. Относящийся к пацану, пацанам, принадлежащий им; состоящий из пацанов. Сводные отряды колонистов, то большие, то малые, то состоящие из взрослых, то нарочито пацаны,... с четкостью расписания скорого поезда проходили в поле и обратно. Макаренко, Педагог. поэма» [БАС, 9: 326—327].

Во второе издание Малого академического словаря увеличиваются колебания в оформлении прилагательных, соотносимых не только с существительным пацан, но и пацанка, причем приводится также сомнительная форма пацанчик, не подкрепленная иллюстративной цитатой: «**ПАЦАНЧИЙ** и **ПАЦАНЯЧИЙ**, -ья, -ье. Прост. Прил. к пацан, к пацанка. Пацанчик голосок. Тут он сразу терял всю свою солидность и лицо его становилось пацанячим. Зверев. Она и он. **ПАЦАНКА**, -и, род. мн. -нок, дат. -нкам, ж. Прост. Девчонка. — В армию меня взяли, а у бабы осталось двое детишек. Да Пацан и пацанка. Горышин. Около океана» [МАС₂, 3: 35].

В гнездовой словообразовательный словарь попала лишь половина материала академической лексикографии:

ПАЦАН

пацан — ёнок

пацан — ий [Тихонов 1985, 1: 730].

К сожалению, мы располагаем весьма скучными сведениями об употреблении слова пацан в русских народных говорах, поскольку составители диалектных словарей руководствуются не вполне разумным принципом: фиксировать только те слова, которые отсутствуют в нормативных словарях. Соответственно интересующая нас лексема не отмечается в сводном академическом «Словаре русских народных говоров».

До того, как слово пацанка вошло в академическую толковую лексикографию, на него обратили внимание дальневосточные диалектологи, зафиксировав в 1983 г. как местное слово; во втором издании их словаря данную лексему сопроводили стилистической пометой пренебрежительности: «**ПАЦАНКА**, и, ж. Пренебр. Девочка. Когда я ешила пацанкой была, с отцом ездила в поле. (Алб. Скв.). Я-то тогда пацанкой была, девочкой, не помню ничё (Пашк. Облуч.). Чёртова пацанка. Унистожила всех белок (Калин. Мих.). Амур. (Мих. Скв.). Хаб. (Облуч.)» [СРГП₁ 1983: 179; СРГП₂ 2007: 316].

Фиксация этого слова в диалектном словаре чрезвычайно важна потому, что в говорах оно приобретает весьма специфические значения. В форме множественного числа в говорах Приамурья оно семантически сближается с другим, тоже диалектным: «**ПАЦАНКИ**, -ков, мн. То же, что пасенки. Пацанки — это отростки у помидор. Я их все время сламываю. Пацанки лишние, они тянут соки...» СРГП₂ 2007: 316]; «**ПАСЕНКИ**, -нок, мн. Боковые побеги растения; пасынки. Пасенки надо обязательно обламывать, чтобы растение лучшеросло. (Благовещ...)» СРГП₂ 2007: 314].

В «Новгородском областном словаре» зафиксирована представляющаяся более естественной по сравнению с экстравагантным новообразованием пацанёнок уменьшительно-ласкательная форма «пацанок»: «**ПАЦАНÓК**, -а. м. Ласк. Мальчик. Такой пацанок! Молв.» [Новгородский областной словарь 1994: 107]. Модель, по которой создано слово пацанёнок, служит для образования названий детей, детенышей, птенцов от названий родителей, что свидетельствует о внелитературном, жаргонном происхождении этой производной лексемы.

Не руководствовался принципами дифференциальности и В. С. Елистратов, отметивший со смутным толкованием лишь одну уменьшительную форму с другим суффиксом: «**ПАЦÁНИК**, -а, м. Шутл. (чаще пренебр.) о любом человеке. Не тряси конечностями, ~ ! а то ~и на розовых „тавриях“ приедут. — фраза, употребляемая в качестве шутл. аргу-

мента-, „устрашения“ против каких-либо действий собеседника, напр.: *Ты, брат, этого не делай, а то ~и на розовых „тавриях“ приедут*» [Елистратов 2000: 321].

Надо заметить, что слово *пацан* и производные *пацанка*, *пацанва*, *пацаньё* гораздо активнее, чем в обиходном просторечии, употребляются в разных значениях за пределами литературного языка и даже просторечия, о чем свидетельствуют пометы *угол<овное>*, *арест<антское>*, *мол<одежное>*, *шк<ольное>*, *гом<осексуалистское>* и др. в словарях блатной лексики [Быков 1994: 148; Мокиенко, Никитина 2000: 424].

Весьма представительный материал по употреблению арготических слов *пацан*, *пацанёнок*, *пацанка*, *пацанство*, *пацанава*, *пацаньё*, *пацанский* с общей разговорно-сниженной окраской и дополнительными характеристиками (иронические, жаргонные, криминальные, фамильярные, пренебрежительные и т. д.) в публицистических и литературных текстах, собранный В. В. Химиком [Химик 2004: 426—427], показывает, что и сейчас эти слова не вписываются в нормальный русский литературный язык. Кстати сказать, труд В. В. Химика подтверждает наблюдения С. А. Копорского о том, что в городском жаргоне словом *пацан* вытесняются слова *оголец* (*агалец*) и *шкет* [Копорский 1928: 49—56]: в словаре В. В. Химика последние слова не имеют производных и проиллюстрированы лишь «составительскими» (?) речениями [Химик 2004: 391, 734], а слово *пацан* и его производные, как правило, иллюстрируются цитатами из литературы и прессы низкого пошиба [Химик 2004: 426—427].

Академическая лексикография или уклоняется от стилистической характеристики слова *пацан*, или почему-то считает его просторечным (первоначально — грубо-просторечным!), что едва ли справедливо: указанная лексема принадлежит к сниженной жаргонизированной речи.

Еще меньше оснований имеется для привозглашения слова *пацан* и его производных разговорными, как это сделано в академическом «Большом толковом словаре русского языка» и повторено в странно названном «Новом словаре» Т. Ф. Ефремовой:

«ПАЦАН, -а, м. Разг. Мальчишка. Пацан лет двенадцати || Сын-мальчик. Поздравьте, у меня родился п. **Пацаненок**, -нка, мн. -ната, -нат; м. Уменьш.-ласк. **Пацанка**, -и; мн. ч., род -нок, дат. -нкам; ж. **Пацаничий**, **пацанячий**, -ья, -ье. П-ий голос. П-ье поведение (как у пацана).

ПАЦАНВА, -ы; ж. Собир. Разг. Дети подросткового возраста. Детдомовская п. *Ватага пацанвы*.

ПАЦАНЁНОК; **ПАЦАНИЧИЙ**; **ПАЦАНКА** см. **ПАЦАН**.

ПАЦАНСТВО, -а, ср. Разг. = Мальчишество. П. в чьих-л. поступках.

ПАЦАНЬЁ, -я, ср. собир. Разг.-сниж. = **ПАЦАНВА**.

ПАЦАНЯЧИЙ см. **ПАЦАН**» [БТС 1998: 788].

Не столь богато словообразовательные возможности слова *пацан* продемонстрированы в «Толково-словообразовательном словаре» Т. Ф. Ефремовой, которая ограничилась материалами первого издания большого академического «Словаря современного русского литературного языка», так же, как А. Н. Тихонов в гнездовом «Словообразовательном словаре»:

«ПАЦАН, м. разг. 1. То же, что: мальчишка.

ПАЦЕНЁНОК, м. разг. 1. Уменьш. к сущ.: пацан. 2. Ласк. сущ.: пацан.

ПАЦАНИЙ прил. разг. 1. Соотносящийся по знач. с сущ.: пацан, связанный с ним. 2. Свойственный пацану, характерный для него. 3. Принадлежащий пацану. 4. Состоящий из пацанов» [Ефремова 2000, 2: 29].

Вероятно, для слова *пацан* в современных словарях лучше всего подходят пометы, которые в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова сопровождают слово *шкет*: «(простореч. бран, из воровского арго)», — за исключением *бран*. Дело в том, что указание на происхождение этого слова «из воровского арго» нужно рассматривать не как историко-этимологическую, а как стилистическую характеристику, поскольку былая принадлежность к сниженной по стилистической окраске лексике накладывает на слово неизводимый отпечаток сниженностии.

Н. Ю. Шведова, редактор толкового словаря С. И. Ожегова, перенеся в его 9-е издание из академических словарей жаргонизм *пацан* с некоторыми производными, грубо нарушила нормативный характер словаря известного, к тому времени покойного лексикографа: «**ПАЦАН**, -а, м. (прост). Мальчишка || уменьш. **пацанёнок**, -нка, мн. **пацанята**, -ят; прил. **пацанячий**, -ья, -ье || прил. **пацаний**, -ья, -ье» [Ожегов 1972: 454].

Такое неоправданное решение редактора вызвало справедливые нарекания со стороны чутких к стилистическим оттенкам русской лексики читателей. Недавно было опубликовано одно из писем возмущенных читателей с лукавым ответом редактора:

«14.11.84 г.

Уважаемый профессор Н. Ю. Шведова!

Прошу Вас объяснить мне, почему в „Словарь русского языка“ С. И. Ожегова, 1978 г. изд., включено слово *пацан*!

В этом же словаре, но в 1953 г. издания, этого слова нет. И правильно, что его нет. Если бы был жив Сергей Иванович Ожегов, он не допустил бы этого так называемого „слова“ в русский словарь. Потому что это не русское.

А какова этимология этого „слова“? Оно происходит от ругательства в еврейском языке, — не буду вдаваться в детали, так как Вы

располагаете большими возможностями для уточнения этимологии этого жаргона. И в Ваших силах было не допустить засорения русского языка бранью различного происхождения.

Вред от такой неразборчивости налицо: бранное это „слово“ печатают в газетах и журналах (в „Комсомольской правде“ за 14.11.84 г. — оно процитировано 4 раза — спец. корр. Н. Моржиной), им назван фильм, оно на устах безнадзорных мальчишеских компаний в подворотнях и прочих антисоциальных элементов. Неужели явилась необходимость издать словарь нецензурных слов и выражений воровского жаргона? Издайте. Но в „Словаре русского языка“, на котором стоит имя: С. И. Ожегов — напечатать такое, с позволения сказать, слово — просто кощунство.

С легкой руки таких неразборчивых редакторов и издателей погибнет русский язык.

В последующих изданиях словарей русского языка необходимо более строго подходить к включению новых слов и не допускать подобных нововведений.

Л. Родионенко» [Словарь и культура... 2001: 298].

Правоту рядового читателя, используя несколько иные, терминологические выражения, подтверждают и современные специалисты по лексике русского литературного языка, углубленно занимавшиеся изучением оценки слова *пацан* носителями современного русского литературного языка: «Судя по проведенным опросам и беседам, слово *пацан* по-прежнему остается чуждым носителям литературного стандарта, которые воспринимают его как характерную черту русского просторечия и не используют его в разговорах на нейтральные темы, хотя в принципе могут употреблять его, говоря о носителях просторечия или имитируя просторечие» [Дьячок 2007: 113].

Лукавые оправдания редактора с передергиванием фактов звучат весьма неубедительно и, конечно, неискренно, поскольку впоследствии все свои аргументы Н. Ю. Шведова негласно дезавуировала:

«01.12.1984

Уважаемый товарищ Л. И. Родионенко!

Как свидетельствует само Ваше письмо, слово *пацан* в значении „маленький мальчик“ широко вошло в русское разговорное и просторечное употребление, находит отражение в печати. В этом употреблении оно не имеет оттенка неодобрительности, а напротив, несет в себе элемент положительного отношения. Краткий толковый словарь современного русского языка не занимается этимологией и не может исходить из этимологии слов в отражении их современного употребления. Не могу согласиться с Вами в том, что широкое распространение слов в обиходной речи (а слово *пацан* сейчас принадлежит и обиходной речи именно в том смысле, как ее понимал С. И. Ожегов) связано с влиянием словарей. Дело обстоит как

раз наоборот: словари отражают такое употребление <не всегда правильно. — И. Д.>.

Таким образом, слово *пацан*, как и многие другие слова, далеко отошедшие от первоначальных сфер употребления и от своих первоначальных значений, имеет все основания для того, чтобы найти свое место в толковом словаре; оно (так же, как и все от него производные) нашло свое место не только в „Словаре русского языка“ С. И. Ожегова, но также и в академических словарях: в семнадцатитомном „Словаре современного русского литературного языка“ (Т. IX, 1959) и в четырехтомном „Словаре русского языка“ (Т. III, М., 1983).

Ответственный редактор „Словаря русского языка“ С. И. Ожегова доктор филологических наук, профессор Н. Ю. Шведова» [Словарь и культура... 2001: 299].

Весьма симптоматична по части дезинформации заключительная часть ответа: говорится, что академическая лексикография **также** фиксирует, хотя, как уже было показано, выделенное разрядкой слово **также** прикрывало явно вторичный характер работы Н. Ю. Шведовой, позаимствованной слово из академических словарей большего объема, в которых его наличие можно оправдать стремлением к полноте, излишней для однотомного нормативного словаря.

Весьма характерно, что зафиксированное в 1972 г. в словаре С. И. Ожегова под редакцией Н. Ю. Шведовой значение «мальчишка» подменяется в ответе читателю совсем другим — «маленький мальчик» с плеонастической уменьшительностью-ласкательностью (эта «уменьшительность-ласкательность» позже — в 1992 г. — была внесена в словарную статью *пацан* путем добавления в дефиницию не очень подходящего сюда слова *мальчик* (*пацан* «мальчик, мальчишка» [Ожегов, Шведова 1992: 510]), что было сделано уже в новом издании словаря С. И. Ожегова, в котором ответственный редактор Н. Ю. Шведова неожиданно выступила соавтором), отсутствующей у слова *мальчишка* в словарной синонимической дефиниции, как и у слова *пацан*.

Отказываясь признавать свою неправоту, в 1992 г. в очередное переиздание словаря С. И. Ожегова Н. Ю. Шведова включила и слово *пацанка*: «**пацанка**, -и, ж. (прост). Девочка, девчонка» [Ожегов, Шведова 1992: 510]. Между тем стилистическая окраска этого слова в еще большей степени выдает происхождение из воровской речи.

Не будем подробно останавливаться на других грубейших просчетах бывшего ответственного редактора: о внесении в словарь С. И. Ожегова 1992 г. издания энциклопедических сведений и включении туда относимых современной лингвистикой к именам собственным названий народов (этнонимов) и названий жителей (катойконимов) с производными.

Весьма удивительным явился в дальнейшем и совершенно неожиданный отказ от

вполне обоснованного принципа невключения в однотомный нормативный словарь этимологических сведений, на котором Н. Ю. Шведова ранее твердо настаивала, как, например, в письме читателю А. Я. Иванову от 12.01.1981 г.: «В ряде случаев Вы предлагаете дать сведения о происхождении слова (*коснуться, окаянный, поздравить, суд да дело*), включить имена собственные (*Легас*) или внести в толкование слова те или иные сведения энциклопедического характера (*светляк*); однотомник не может ставить перед собой такие задачи» [Словарь и культура... 2001: 296—297].

Этимологические сведения в кратком нормативном толковом словаре, действительно, выглядят совершенно неуместно. Краткое представление этимологии для широкого круга читателей невозможно: в таком виде оно будет создавать ложное представление о научной этимологии как о науке, имеющей характер произвольной вкусовщины. Специфичность этимологических сведений о слове делает невозможным их включение во все лексикографические справочники иного рода, кроме этимологических словарей.

О. Н. Трубачев считал, что своеобразие источников и методов этимологических исследований не позволяет привносить этимологические сведения даже в исторические словари, хотя этимология и историческая лексикография преследуют единую цель — показать эволюцию слова во времени: «Насыщение исторического словаря сравнением с диалектными и иноязычными данными, а также сведениям по этимологии способно лишь взорвать изнутри исторический словарь как таковой и поэтому нежелательно» [Трубачев 1984: 35]. Это тем более справедливо по отношению к избирательному нормативному словарю.

Весьма характерно, что С. И. Ожегов, сокращая этимологические справки «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и давая в первом издании (1949 г.) своего словаря лаконичные присловные указания на язык, из которого пришли в русский язык заимствованные слова, из последующих изданий эти невнятные пометы устранил как не нужные, что некоторое время было свойственно и ответственному редактору.

В вышедшем в 2007 г. весьма странном издании словаря С. И. Ожегова (без указания авторства последнего) под названием «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов», где Н. Ю. Шведова выступает ответственным редактором и неубедительно заявляет о своих авторских правах на «весь корпус словаря (за исключением разделов статей, посвященных происхождению слов, т. е. этимологических зон словарных статей, отмеченных знаком •, а также за исключением около 300 статей <статьи эти нигде не названы — И. Д.>, перенесенных из 4-го издания книги С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведо-

вой „Толковый словарь русского языка“ и в свою очередь содержащихся в 9—23-м изданиях „Словаря русского языка“ С. И. Ожегова», все ограничения на перечисленные сведения, излишние для однотомного нормативного словаря, оказались снятыми, хотя реализовались эти новшества непоследовательно.

Этимологические справки (называемые почему-то зонами, т. е. поясами) даются случайно, лишь при некоторых словах, и вызывают недоумение непрофессиональным характером, ненадежностью предлагаемых этимологий. Не приводятся этимологические справки даже для слов, чье происхождение достаточно хорошо известно. Это касается, например, едва ли уместного в современном кратком нормативном словаре устаревшего экспрессивного заимствования, перекочевавшего в 1992 г. из толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова в новый «Толковый словарь русского языка» [Ожегов, Шведова 1992]: «ХÓДЯ, -и, м. (устар. прост.). Прозвище китайца, китайцев» [Ожегов, Шведова 1992: 897]. Ср. новую этимологию: [Младенова 2010: 183—191].

Устаревшим это слово значилось уже в словаре 1940 г. [Ушаков 1940, 4: стб. 1166], и С. И. Ожегов вполне закономерно не включил его в свой малый нормативный словарь. В рассматриваемом словаре 2007 г., в котором авторство С. И. Ожегова уже не указано, нет этимологии, как и в «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова, оттуда слово заимствовано: «ХÓДЯ, -и, м. (разг. фам. устар.) Пренебрежительное название китайца». Происхождение слова объясняется в Большом академическом словаре: «ХÓДЯ, -и, ж. Устар. простореч. Уничтожительное название китайца. — Как это ты, ходя, сюда в деревню пробрался? — спросил фельдшер. — У нас всех китайцев выселили. Верес. На япон. войне, 4. — Ушак. Толк. слов. 1940: ходя. — От кит. *huo jí* — приказчик (продавец)» [БАС, 16: 302].

В некоторых случаях вместо этимологии назойливо повторяются сведения то о неясности происхождения слова, то о неясности источника, что нельзя считать ни этимологической справкой, ни даже загадочной этимологической зоной (или поясом?), например: «КУТЕРЬМА́, -ы, ок. (разг.). Суматоха, беспорядок. Поднялась к. • Происх. неясно; возм. займств. из тюрк., источник неясен» [Толковый словарь... 2007: 392].

В отдельных случаях прежнему «соавтору» С. И. Ожегова неизвестны установленные этимологии, примером чему служит следующее неправильно истолкованное слово: «ФИФА, -ы, ж. (прост, неодобр.). Женщина, девушка <,> обращающая на себя внимание своей внешностью, нарядом, поведением. || уменьш. фиФочка, -и, ж. • Происх. неясно» [Там же: 1052].

На самом деле это слово этимологизировано, правда, на основе более правильно опи-

санной семантики: «**ФИФА**, -ы, ж. *Прост.* (с оттенком пренебрежения). Пустая, легко-мысленная девушка, думающая только о развлечениях, нарядах и т. п. Она боялась, как бы Андрея не окрутила какая-нибудь „фифа“ Гранин. Искатели» [МАС₁, 4: 779]. Опираясь на синонимичное этому слову просторечное *свиштушка*, О. Н. Трубачев рассматривал лексему *фифа* «как заимствование относительно недавнего времени, восходящее в конечном счете к ср.-в.-нем. *pfeife* при современном нем. *Pfeife* ‘дудка, свисток’. В семантическом отношении ср. тоже просторечное *свиштушка* ‘фифа’» [Трубачев 1965: 133—134].

Правда, существует и другая (менее вероятная) этимология слова *фифа*, согласно которой оно является производной формой «от полного женского имени *Ефимия*, разг. Ефимья, прост. Афимья, стар. Евфимия» [Огин 1996: 120]. Однако такие производные формы весьма редкого сейчас женского имени *Ефимия*, как *Ефима*, *Фима*, *Хима* [Петровский 1966: 114], явно преобладают над еще более редкой формой *Фифа*, что делает соображения о происхождении нарицательного имени *фифа* от личного имени *Фифа* сомнительными.

В некоторых случаях этимологические справки содержат совсем недостоверный материал, который требует корректировки: «**НОРМАТИВ**, -а, м. (спец.). Экономический или технический показатель норм, в соответствии с которыми производится работа, какие-н. специальные действия. *Технические нормативы. Спортивный н. || прил. нормативный, -ая, -ое.* • Из нем. *Normativ*, восх. к лат. — см. *норма*» [Толковый словарь... 2007: 528] (неясно, к чему относится *спортивный норматив*, фигурирующий в словарной статье: к экономике или технике?). На самом деле в немецком языке нет существительного *Normativ*, хотя есть прилагательное *normativ*, вошедшее в русский язык с присоединением адъективного суффикса *-н(ый)*. Происхождение этого прилагательного почему-то не указано: «**НОРМАТИВНЫЙ**, -ая, -ое; -вен, -вна. 1. См *норматив*. 2. Устанавливающий норму, правила. *Нормативная грамматика || сущ. нормативность*, и., ж.» [Там же: 528]. Уже из этого прилагательного в результате обратного словообразования (редеривации) получилось русское существительное *норматив*.

Аналогичным образом (в результате обратного словообразования) от прилагательного *кондуитный* (в сочетании *кондуитный список*) было образовано существительное *кондукт*, этимологическая «зона» для которого в словаре носит дезориентирующий характер: «**КОНДУИТ**, -а, м. (устар.). В царской России: журнал с записями о поведении, поступках учащихся (преимущественно в духовных учебных заведениях и кадетских корпусах). *Записать в к. || прил. кондуйтный, -ая, -ое. К. список* (в военном ведомстве до 1862 г.: сведения о поведе-

нии и способностях офицеров). • Восх. к франц. *conduite* ‘поведение’» [Там же: 357]. Кроме того, заимствованные из «Большой советской энциклопедии» сведения о преимущественном распространении *кондуктов* в духовных учебных заведениях и кадетских корпусах оказываются ложными: это слово было преимущественно гимназическое (подробнее см.: [Добродомов 2001]).

В словаре дается устаревшее выведение слова *водка* «из польск. *wódka*, производ. от *woda* (см. *вода*)» [Толковый словарь... 2007: 100]. Такая этимология фонетически ущербна, поскольку не учитывает реальное звучание *вутка*, которое скрывается за дезориентирующими написанием *wódka*. Данная этимология оспорена в специальной статье в пользу трактовки слова *водка* как суффиксального образования с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-к(а)*; аналогичный процесс происходит параллельно и в польском языке при образовании *wódka* от *woda* [Дерягин 1979]. П. Я. Черных считает, что русское слово *водка* происходит от глагола *водить/вести* и лишь вторично сближается с существительным *вода* [Черных 1993, 1: 159—160].

Ошибочны и следующие сведения о происхождении слова: «**КУТУЗКА**, -и, ж. (разг.). Место заключения, тюрьма. • Возм. от фам. *Кутузов*, ср. аналогично *архаровец*» [Толковый словарь... 2007: 393]. Образованное «аналогично» лексеме *архаровец* отозвукообразование *Кутузов* существительное должно было бы выглядеть так: *кутузовка. Кроме того, прославленных тюремных начальниках с такой фамилией нет. Более правдоподобна в словообразовательном отношении другая этимология, оставшаяся неизвестной сотрудникам Н. Ю. Шведовой: «*Кутузка <...>*. Происходит, очевидно, от тюркского корня *qutuz-* // *kutuz-* ‘бешеный’, ‘взбесившийся’. Встречается, начиная с Махмуда Кашигарского, в чагатайском, татарском, турецком и других языках. Таким образом, *кутузка* значит: ‘дом для взбесившихся’, ‘сумасшедший дом’» [Дмитриев 1958].

Однако эта тюркская этимология тоже ущербна, поскольку компонент бешенства, сумасшествия в содержании слова *кутузка* не просматривается. Можно предложить еще одну тюркскую этимологию: от притяжательной формы 3 лица *кутусы тюркского названия для разного рода мелких контейнеров (ящик, коробка, шкатулка и т. п.) *куту*, *куты* [ЭСТЯ 2000: 179—180], но и она не окончательна и требует доработки. Созвучное слово *kodes* ‘тюрьма’ (из новогреч. кото^т ‘курятник’) имеется в турецком арго [Ужинин 2007: 210], но пути его движения в русский язык остаются неясными. Таким образом, для слова *кутузка* нет надежной этимологии, и в популярном словаре его происхождение следовало бы признать темным.

Никак нельзя считать ни этимологией, ни даже этимологической зоной стилистическую (прагматическую) характеристику слова в следующем примере: «**СОЛДАФОН**, -а, м. (разг. неодобр.). Грубый, некультурный человек из военных начальников || прил. **солдафонский**, -ая, -ое. Солдафонские замашки. „Экспрессивное образование от слова *soldat*“» [Толковый словарь... 2007: 915]. Составителю этимологического пояса (зоны?) остались неизвестными этимологического словаобразовательная статья В. В. Виноградова [Виноградов 1968], в которой речь шла о выделении в этом слове суффикса *-фон*, а также наша работа [Добродомов 1997], в которой появление звука *ф* на месте *т* объясняется семинарской подгонкой произнесения под нормы рейхлинова чтения: *ф* (*θ*) соответствует эразмову чтению *т*, а конечный элемент *-он* является амплификационным экспрессивным суффиксом.

Во многих словарных статьях рассматриваемой книги повторяются ходячие фантастические этимологии, зачастую придуманные юмористами-каламбуристами, как это произошло с устаревшим словом *шаромыга*, которое юморист В. В. Билибин в 80-е гг. XIX в. вывел из французского языка: «**ШАРОМЫГА**, -и, м. и ж. и **ШАРОМЫЖНИК**, -а, м. (прост. презр.). Человек, который любит поживиться на чужой счет; жулик || уменьш. **шаромыжка**, -и, м. и ж. • Восх. к франц. *cher ami* ‘дорогой друг’ — обращение солдат наполеоновской армии к русским: по народной этимологии сближено с *шарить* и *мыкать* и с именем на *-ыга*; менее вероятно сближение с рус. диал. *шарма* ‘дешево’, далее с *шарить*» [Толковый словарь... 2007: 1192]. На самом деле перед нами образование с суффиксом *-ыга* от оценского наречия *шáром* (вариации: *шармá*, *шармбóй*) ‘даром’ [Бондалетов 2004: 341], получившегося из общерусского слова *даром* путем замены начального слога *да-* маскировочным слогом *ша-*, распространенным в русских условных языках ремесленников и торговцев.

Столь же ошибочна «этимологическая зона» в следующем примере: «**БУРБОН**, -а, м. (устар. презр.). Грубый, невежественный иластный человек || прил. **бурбонский**, -ая, -ое. о Из франц. *Bourbon* — от названия французской королевской династии Бурбонов (*Bourbons*)» [Толковый словарь... 2007: 67]. Это слово не имеет никакого отношения ни к французским, ни к испанским, ни к итальянским *Бурбонам*, а представляет собой фонетическое и контаминационное преобразование французского слова *barbon* (барбон) ‘старишка’: так в XIX в. офицеры-дворяне русской армии называли офицеров, выслужившихся из низших чинов и не имевших хороших манер [Добродомов 2003: 103—110].

Из множества имеющихся этимологических версий часто выбирается не самая убедительная, примером чему являются слова *филон*,

филонить, которым Н. Ю. Шведова дала неправильное толкование, подталкивающее к этимологическим поискам в неверном направлении: «**ФИЛОН**, -а, м. (прост.). Лентяй, лодыры. • Происх. неясно: возм., от франц. *rilon* ‘нищий’, ‘попрошайка’. **ФИЛОНИТЬ**, -ню, -нишь; несов. (прост.). Бездельничать, лодырничать» [Толковый словарь... 2007: 1050]. «Этимологическая зона» ущербна географически (как французское слово могло попасть в русскую жаргонную речь?) и фонетически (что вызвало переход начального *п-* в *ф-*?).

Существует и другая этимология, в которой фонетическая приемлемость сочетается с географической и семантической проблематичностью (неясно, как произошел переход от исходной семантики к новой) — имеем в виду абсолютно невероятную версию происхождения слов *филон*, *филонить* от французского арготизма *filon* ‘безделье’, высказанную О. Горбачом [Горбач 1963: 152] и категорически отвергнутую Е. С. Отиным [Отин 2006: 274].

В качестве осторожного предположения было высказано соображение о связи слов *филон*, *филонить* с французским жаргонизмом *filon* ‘выгодное дельце’, якобы семантически преобразовавшимся в русском военном жаргоне в обозначение ‘нестроевой должности’ [Коровушкин 2000: 303]. Данная этимология, по сути дела, является разновидностью предыдущей и также не может быть принята.

Шутливо-каламбурная «расшифровка» специфически условного арготизма *филон* (‘лентяй, увилившийся от работы’), из лагерной среды проникшего в народное употребление, интересна лишь тем, что в ней присутствует опора не на значение ‘лениться’, а ‘отлынивать от работы’: «В середине 20-х гг. на Соловках заключенными была выдумана такая расшифровка: Фиктивный Инвалид Лагеря Особого Назначения» [Росси 1987: 433]. Ср. там же: *филонить* — ‘увиливаться от работы’.

Все приведенные здесь этимологические соображения не учитывали истинную семантику слов *филонить*, *филон*, которые значат в современной речи совсем не ‘лодырничать’ и ‘лодырь’, а соответственно ‘отлынивать от работы’ и ‘ тот, кто уклоняется от работы; в жаргоне *сачок*’.

Опираясь на эту уточненную семантику глагола *филонить*, я связал его с отыменным глаголом *филонить* ‘отлынивать от работы, лениться, бездельничать’, зафиксированным в условном жгонском языке костромских шерстобитов [Громов 2000: 75] и восходящим к жгонскому и оценскому названиям полатей (досчатого настила в избе для спанья под потолком) *филон*, *филоны*, *филонские*, *хилоны*, *филуны*, *пилоны* [Добродомов 2004б: 30—37] (о географии этого названия полатей см.: [Бондалетов 2008: 43, 61]. Глагол *филонить* у оценей В. Д. Бондалетым не отмечается). Это вызвало законный вопрос Е. С. Отина: откуда жгоны и офени взя-

ли такое название полатей? Сам Е. С. Отин при решении этого вопроса предложил фонетически удачное, но семантически не очень убедительное выведение жаргонного слова *филён* из редкого сейчас личного мужского имени *Филон* [Отин 1996: 118; Отин 2006: 112—124], которое в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. употреблялось как условное поэтическое имя (см. автобиографическую повесть-путешествие «Филон» И. И. Мартынова, описывающую в стернианско-карамзинской традиции поездку автора из Полтавы в Москву в 1788 г. и напечатанную в журнале «Муза» в 1796 г.).

Однако условное имя *Филон* не зафиксировано в русской литературе в четком значении ‘изнеженный человек, презирающий физический труд’ и далее ‘бездельник, лентяй’, что весьма важно для концепции Е. С. Отина, хотя возможность такого развития значения существует.

Отстаивая свою версию о происхождении жаргонных единиц *филон*, *филонить* от неупотребительного **сейчас** личного имени *Филон* (из греч. Φίλων, ώνος), Е. С. Отин допускает возможность переноса личного имени на неодушевленный предмет: «...коннотативным антропонимом *Филон* или его смысловым продолжением — отконнотативным appellativом *филон* ‘бездельник, лодырь, симулянт’ могло быть мотивировано именование настила для спанья под потолком в крестьянской избе: это место, где спят, отдыхают, а не работают, т. е. бездельничают поневоле или необходимости. С учетом всего сказанного можно допустить, что лексема *филон* изначально в русском языке была собственным именем, а жаргонизм *филон* — следствие его смысловой эволюции, в которой в качестве связующего звена принял участие эмоционально окрашенный коннотативный оним» [Отин 2006: 275]. Ср. выражения: [Соколова 2012: 144—150].

К сожалению, предполагаемая цепочка от личного имени *Филон* через название полатей до глагола *филонить* от существительного *филон* промежуточными опорными фактами не подтверждается.

Сейчас имеется возможность объяснить появление слова *филоны* ‘полати’ в оfenском языке замещением первого слога общерусского *полати* маскировочным слогом-префиксом *фи-* [Бондалетов 1980: 44]. Отсюда название полатей *филати*, записанное в аро пучежских ремесленников Ивановской области в 1961 г., имеющееся также в записях оfenских слов А. Успенского 1822 г. Есть такая форма и в «Словаре оfenского языка» В. И. Даля [Успенский 1822; Бондалетов 2004: 335].

В группу слов *полати* — *филати* была вовлечена лексема *филоны* (отмечено в «Словаре оfenского языка» В. И. Даля — см.: [Бондалетов 2004: 335]) с более распространенной формой *филоны* (географическое распространение

нение форм *филоны* — *филоны* описано здесь: [Бондалетов 2008: 43]), действительно восходящая к собственному имени *Филон*, созвучному с народным именем *Филат*. В литературе контаминационные связи отмечаются между оfenскими словами *филоны* ‘полати’ и *филаты*, *хвилаты* в том же значении [Арапов 1965: 125].

Именно на этом этапе трансформации слова «полати» (*полати* → *филати* → *филоны* → *филоны*) возникла вторичная связь с не очень популярным созвучным личным именем *Филон*, которой столь большое значение придал Е. С. Отин.

По той же модели с маскировочным префиксальным комплексом *фи-* от слова *пол* было образовано слово оfenское *фил* ‘пол’, похожее по звучанию как на *филаты*, *филати*, так и на *филоны* [Бондалетов 1980: 44]. У единицы *фил* образовалась словообразовательная связь со словом *филоны* за счет общего семантического компонента — ‘досчатый настил’, — позволившего воспринимать слово *филоны* ‘полати’ как производное от *фил* ‘пол’.

С этими словами связано и своеобразное название доски профессионально-арготического характера — *филат*, — замеченное Е. С. Отином в литературе:

— Ладно, *филат* углом уперся, а то бы хана! <...>

— По-моему, он упомянул какого-то *Филата*.

— *Филат* — это доска. Ясно? (С. Антонов. *Васька*) [Отин 1996: 118; Отин 2006: 206; Антонов 1988: 354—255].

В определенных семантических отношениях с названиями досок, полатей и палат может находиться название тонких досок или фанеры, вставляемых в раму — *филёнка* (из нем. *Füllung*), но эта связь неочевидна.

На базе оfenско-жгонского существительного *филони/филоны* ‘полати’ был образован глагол *филонить* с предполагаемым первоначальным значением ‘лежать на полатях’ и дальнейшим ‘отлынивать от работы, бездельничать’, зафиксированным в жгонском языке Костромской области [Громов 2000: 75]. Именно этот глагол вышел за пределы жгонско-оfenского социолекта и получил широкое распространение в русской жаргонизированной речи, породив два существительных аналогичной семантики: суффиксальное *филонщик* и редериват (обратное образование) *филон*.

Не вполне удачно и включение в 9-е издание словаря С. И. Ожегова [Ожегов 1972] редактором Н. Ю. Шведовой заимствованного из толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова жаргонного слова *шкет* (в предыдущих изданиях С. И. Ожегов «забраковал» эту лексическую единицу): «**ШКЕТ**, -а, м. (простореч. бран. из воровск. аро). Мальчишка, подросток» [Ушаков 1940: стб. 1348]. Кроме того, Н. Ю. Шведова ориентировалась на едва ли

правильную краткую помету академической лексикографии: «**ШКЕТ**, -а, м. *Прост.* Мальчик, подросток» [МАС₁, 4: 984], — и ошибочно заменила в толковании нейтральное слово *подросток* не подходящим сюда экспрессивным *паренёк*: «**ШКЕТ**, -а, м. (прост.). Мальчишка, паренек» [Ожегов 1972: 823]. Впоследствии было добавлено едва ли нужное уточнение о шутливом характере слова: «**ШКЕТ**, -а, м. (прост. шутл.). Мальчишка, паренек» [Ожегов 1989: 894].

В упомянутом словаре 2007 г., фактически основанном на трудах С. И. Ожегова без указания его авторства, заголовочная единица *шкет* сопровождается «этимологической зоной»: «**ШКЕТ**, -а, м. (прост. шутл.). Мальчишка, паренек» • От чеш. šketa ‘болван, изверг’ [Толковый словарь... 2007: 1109]. Неизвестно, на каком основании отбирались данные из словаря Фасмера — Трубачева: не приводится вариант чешского слова šketa (čketa) и более ранняя альтернативная попытка поисков этимологии — из итальянского *schietto* ‘откровенный, чистосердечный’, которое производят от германского *slihts ‘простой’ [Фасмер, 4: 448].

Отрицательно сказалось на этимологических разысканиях устранение при слове *шкет* пометы толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова «из воровск<ого> арго», которая указывает также на стилистически сниженную характеристику слова, сохраняющего память о социальной среде первоначального бытования.

Сопоставление русского жаргонного *шкет* с редким чешским šketa, čketa (см. об этих словах: [Strekelj 1905: 41—44]) имеет один существенный недостаток, отмеченный самим автором этимологического сближения: остается «открытым вопрос о конкретных путях проникновения данного заимствования» [Трубачев 1965: 134].

Проникновение итальянского слова можно связывать с посредничеством музыкальной терминологии, в которой существует соответствующий итальянский термин: «*Schietto*, <*schiett*>amente *ut*. — безъ вычуръ, просто — муз. терминъ» [Гавкин 1903: 601]. Однако детальная разработка этой этимологии — дело будущего.

Наряду с приведенными, существовала и более ранняя этимология слова *шкет*, предложенная Е. Д. Поливановым: «Роль такого крупного портового центра, каким является Одесса, в формации блатного словаря мне вообще представляется значительной. В частности мы находим в числе блатных слов, наряду с многими еврейско-немецкими, даже английские слова. Напр., **шкет** (*scout*) („Отсюда уже производное — **шкица** (жен. род)“ — *причение Е. Д. Поливанова*), **плашкет** (*play-scout*), **шопошник** (вероятно, *shop* — магазин, значит, „вор по магазинам“, т. е. является синонимом „городушнику“) [Поливанов 1931: 52—53].

Именно этимологии Е. Д. Поливанова в последнее время дается преимущество перед итальянской и чешской версиями, которые воспринимаются ошибочными, причем обходился вопрос о слабом фонетическом сходстве английского *scout* и русского арготизма *шкет*: «Однако, думается, что эти мнения ошибочны по следующим причинам:

а) во-первых, лексическое значение английского слова ‘член организации скаутов’ гораздо ближе <?> к значению русского арготизма, чем итальянское *schietto* — ‘откровенный, чистосердечный’, или чешское слово Šketa, čketa — ‘болван, зверь, изверг’. Кроме того, чешские слова столь редко употребительны как в литературном языке, так и в диалектной речи и жаргоне, что они вряд ли могли стать источником заимствования;

б) во-вторых, в русском дореволюционном арго имелось похожее слово — *плашкет* — ‘подросток-арестант, выполняющий роль пассивного гомосексуалиста’, а в английском языке имелось родственная слову *scout* лексема *play-scout* ‘член организации скаутов’, тогда как в словарных статьях М. Фасмера и О. Н. Трубачева, посвященных слову *шкет*, о лексеме *плашкет* даже не упоминается» [Грачев, Мокиенко 2000: 188—189].

Однако английская этимология фонетически несостоятельна: английское *scout* в русском языке отражено как *скуэт* и не могло преобразоваться в *шкет*. К тому же английскому языку неизвестно сложение *play-scout*, оно является результатом контаминации *boy-scout* и *play-boy*. Против английской этимологии арготизма *шкет* говорит и неожиданно высказанный «исторический» аргумент: «В общественародный русский язык лексему *скуэт* ввел офицер русской армии О. Паньюхов (в 1909 г. в Царском Селе он организовал скаутский патруль из семи мальчиков; члены первых таких отрядов первоначально назывались и разведчиками — буквальный перевод слова *scout*)» [Грачев, Мокиенко 2000: 189]. Дело в том, что лексема *шкет* зафиксирована в «блатной музыке» (жаргоне тюремы) еще до появления скаутов в России — в 1908 г. [Трахтенберг 1908: 18, 46, 67].

Слабость всех предлагавшихся до сих пор этимологий заключается в том, что источник искался за пределами русского языка, а не в условных жаргонах самого русского языка. Между тем фонетически похожие в корневой части слова обнаруживаются, например, у жгонов (пимокатов-шерстобитов Костромской области), хотя фиксации таких лексем немногочисленны.

В. Д. Бондалетов записал в 1957—1968 гг. наречия жгонского языка костромских шерстобитов Мантуровского и Ветлужского районов *шкетнёе* ‘быстрее’ и *шкётно* ‘быстро’, которые в том же источнике находятся в не вполне ясных отношениях со словами с начальным ба-

башкéтить 'торопить', башкéтнее 'быстрее', башкéтно 'быстро', башкéтный 'скорый'; и далее башкóвее 'быстрее', башкóво 'быстро', башкóвый 'быстрый' [Бондалетов 1980: 98, 77].

Вероятно, данные слова, которые встречаются и в других фиксациях жгонской лексики, начиная с первого словарика Даля — Лури (*башкóвый* 'аккуратный, сметливый', *башкóво* 'скоро' [Громов 2000]), являются производными от *башка* 'голова, ум'. Впоследствии они были контаминированы с загадочным словом *шкет* и утратили начальный слог *ба-*, о котором писал А. И. Соболевский [Соболевский 1911: 345]; ср. также о приставке *ба-*: [Шанский, Боррова 2006: 57].

Поскольку в жгонском языке имеется большое количество слов из марийского языка, то встает вопрос о сопоставлении загадочного русского жаргона *шкет* с марийским созвучным *шкет* 'один; одинокий, одиноко' (соотносится с местоимением *шке* 'сам, сама, само'). Стоит обратить внимание и на марийское слово *вашкé* 'скоро, спешно' с гнездом производных, и на слова *вашкéтно* 'быстро', *вашкéтней* 'быстрей', *вашкóво* 'быстро, скоро', отмеченные В. Д. Бондалетовым у ветлужских жгонов в Костромской области [Бондалетов 1980: 78].

Есть еще одно возможное объяснение появления слова *шкет*: оно могло быть образовано из названия вида огнестрельного ручного оружия *мушкет* путем удаления начального слога *му-*, принятого за экспрессивный префикс, который О. Н. Трубачев выделял в слове *мусор* [ЭССЯ, 20: 199] (примеры с приставкой *му-* и ее вариантами см. здесь: [ЭСРЯ, 10: 365—366]), но это фонетически убедительное объяснение нуждается в дополнительном обосновании с точки зрения семантики.

Что касается нормативного словаря, то для слов с множеством неубедительных этимологий было бы логичней не приводить ни одной, чтобы не вводить массового читателя в заблуждение.

Естественно, для слова *пацан* этимологические сведения в рассматриваемом лексикографическом источнике тоже недостоверны: «Вероятно, производн. с суф. *-ан* от диал. юж. *пацюк* 'поросенок, крыса', ср. укр. 'поросенок, кастрированный кабан', *пáця* 'поросенок', слоен. *расе*, *расек* 'свинья' с межд. возгласами, служащими для подзываания свиней, ср. укр. *пáць*» [Толковый словарь... 2007: 618]. Здесь почему-то проигнорировано белорусское *пацук* 'крыса' — слово, отраженное в смоленских говорах и русских говорах Прибалтики: «**ПАЦУК**, -а, м. 1. Серая крыса. Смол. Смол. 1919—1934. Кошка осенью сдохла, так теперь не только мышей, а и пацуков всюду полно. Ионав. Лит. ССР. 2. Располневший человек Смол. Смол., 1919—1934» [СРНГ, 25: 298].

Не задействован и загадочный, требующий проверки материал, зафиксированный В. И. Далем: «**ПАЦЬ**, м. **пацюкъ**, **пасюкъ**, юж. зап.

Большая домовая крыса, *Mus decumanus*» [Даль 1865, 3: 21]. Надо учесть, что пометы юж. и зап. у В. И. Даля часто указывают на малорусский (украинский) и белорусский материал, отсутствующий в великорусском.

Во втором издании своего «Толкового словаря» В. И. Даляр дал параллельную статью с отсылкой: «**ПАСЮКЪ** юж. крыса (см. это сл.) || чрнм. рыба пухась, *Rhodens amarus*» [Даль 1955, 3: 24]. Семантика конкретизируется в отсыльной статье: «**КРЫСА** ж. докучливое въ домаъ животное, домовая крыса двухъ видовъ: малая или черная, *Mus rattus*, ныне б. ч. вытесняемая **большою**, **рыжею**, **бурою**, юж. **пасюкъ**, зап. **шуръ**, *M. decumanus*; обе в народе: **гадь**, **гадина**, **гнусь**, **пасть**, **пакостница**, **поганка**» [Даль 1955, 2: 205].

Основным недостатком выведения слова *пацан* из южных диалектов является игнорирование источника его распространения в русском языке — криминальных жаргонов.

Нет слова *пацюк* и в надежных записях русской диалектной лексики: сводно-академический словарь приводит эту лексему со ссылкой на М. Р. Фасмера, упоминающего неизвестный курский источник: «**ПАЦЮК**, á, ж 1. Поросенок. Южн., Фасмер. 2. Серая крыса. Южн., Фасмер. Курск. 3. Рыба *Rhodens amarus*; пукас (горчак). Южн., Даляр» [СРНГ, 25: 298—299]. Любопытно, что в русский язык украинское слово *пацюк* вошло с субSTITUЦИЕЙ срединного согласного: чуждый русскому мягкий согласный *ц'* заменен мягким же *с'*, отсюда научный термин *пасюк*, энциклопедические сведения о котором как виде животных «из отряда грызунов (*Glired*) сем. мышиных (*Murida*), рода крыс (*Mus*)» приводят уже справочники XIX в. [Настольный словарь... 1864: 40].

Маловероятность данной этимологии, использованной Н. Ю. Шведовой, обусловлена сомнительностью существования южного русского диалектизма *пацюк*: он не отмечен в авторитетных источниках и, скорее всего, представляет собой украинское слово, неосторожно привлеченное для этимологии русского (существуют также словообразовательные и семантические возражения, о которых здесь не будем упоминать).

П. Я. Черных в своем опирается только на украинский материал, который считает исходным для русского *пацан*, но последнего слова в украинском языке не находит: «Надо полагать, из украинского языка. Ср. укр. **паци**', род. **пацити** — „поросенок“, **пациюк** — тж (знач. „крыса“, „откормленная жирная крыса“ — не первоначальное). Ср. также **пацитися** — (о свинье) „пороситься“. Отсюда **пацина** — „поросая“, „су-поросая“ (Гринченко <Б. Д. Словарь української мови. Київ, 1909. Т. > III, 103). Корень в этих словах, вероятно, междометно-звукоподражательного характера. Ср. укр. **паци** и **пацик-пацик** — межд., возглас, которым называют свиней (Гринченко, III, 103)» [Черных, 2: 15].

На самом деле в основу слова *пацан* лег встречающийся в различных жаргонах, в том числе криминальном, корневой элемент *потс / потц / поц* со следующими значениями: ‘еврей’ (угол.); ‘глупец, дурак’ (угол., жарг. речь, пренебр.); ‘неопытный, начинающий вор’ (угол, пренебр.); ‘мужской половой член’ (жарг. речь, шутл.), ‘солдат срочной службы в период от 0,5 до 1 года’ (арм.) и др. [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 190; Мокиенко, Никитина 2000: 468]. Слово образовано с помощью экспрессивного ударного амплификационного суффикса *-ан*, фигурирующего в названиях лиц: *старикан*, *критикан*, *политикан*, *друган*, *братьян* и т. д. — и особенно в жаргонных формах личных имен: *Колян*, *Толян*, *Вован* и т. п. Суффикс этот не приводится в экспериментально-академической «Русской грамматике» 1980 г.

Распространение получила акающая форма *пацан*, которая недавно попала и в украинскую фамильярную лексику, правда, производными (пока?) не обросла:

«**ПАЦАН**, -á, ч., фам. Те саме, що хлопчáк. Не було для нього тяжкої муки, як муки от того коли йому давали відчути, що він ще пацан (Смолич, Світанок, 1953, 36); ГоряТЬ веселі оченята, не в ногу ще й під барабан на плошу, прямо до міськради, за пацаном іде пацан (Сос., I, 1957. 177)».

ПАЦАНЯ́, -яти, с. фам. Зменш.-пестл. до пацан — Ну, горазд, не гнівайтесь, я так, побатьківському... — Кий, до лиха, ви батько? Що маєте двох пацанят трьох і п'яти років, сурвою одказала йому Жабі. — Що ви мене маєте за дівчинку, чи що? (Досв., Вибр., 1959, 38) [Словник української мови].

В заключение следует напомнить, что у слова *пацан* сохраняется жаргонный характер: «Слово *пацан* — одно из самых распространенных не только в лексиконе уголовников, но и уносителей жаргонизированной разговорной речи. Оно имеет значения ‘молодой вор’, ‘криминальный авторитет’, ‘неформальный лидер в исправительно-трудовых учреждениях, не подчиняющийся внутреннему распорядку’ <...>, ‘неформальный лидер в классе, школе’ <...> ‘крутой парень, мужчина’» [Огин 2006: 208]. Таким образом, включать это слово в однотомный нормативный словарь, являющийся продолжением труда С. И. Ожегова, преждевременно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапов М. В. К этимологии слова *офеня* // Этимология. 1964. — М., 1965. С. 125.
2. Богословский П. С. К вопросу о составе лексики современного школьного языка (из материалов изучения языка учащихся пермских школ) // Уральский учитель. — Свердловск, 1927. № 1—2. С. 20—25.
3. Бондалетов В. Д. В. И. Даляр и тайные языки в России. — М., 2004.
4. Бондалетов В. Д. Офенский язык в Ульяновской области // Лексикология и лексикография : сб. науч. тр. — Орел, 2008. Вып. 19.
5. Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. — Рязань, 1980.
6. Виноградов В. В. Об экспрессивных изменениях значений и форм слов // Советское славяноведение. 1968. № 4. С. 9—11.
7. Горбач О. Арго українських вояків // Наукові записки Україн. вільного ун-ту. Ч. 7. Філософічний факультет. — Мюнхен, 1963.
8. Дерягин В. Я. Русское *водка* и польское *wódka* // Диалектная лексика. 1977. — Л., 1979. С. 242—250.
9. Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. — М., 1958. Вып. 3.
10. Добродомов И. Г. По следам разысканий В. В. Виноградова о слове *солдафон* // Opuscula polonica et russica. 5. — Warszawa, 1997. S. 105—114.
11. Добродомов И. Г. Об ошибках орфографического словаря // Лексическая и грамматическая семантика. Памяти проф. М. И. Задорожного. — Орехово-Зуево, 2004а. С. 91—93.
12. Добродомов И. Г. Дмитрий Николаевич Ушаков // Отечественные лингвисты XX в. — М., 2003. Ч. 3. С. 70—72.
13. Добродомов И. Г. Как барбон породнился с Бурбонами // Русская речь. 2003. № 1. С. 103—110.
14. Добродомов И. Г. Кондунит: история слова по текстам и словарям // Известия Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2001. Вып. 4. С. 189—195.
15. Добродомов И. Г. О Филонах и филонах // Вестник Казах. нац. ун-та. Сер. филологическая. 2004б. № 6 (78). С. 30—37.
16. Дьячок М. Т. Пацан: слово и понятие // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 110—116.
17. Езерский К. Фабзайцы. Новая культура. Новый быт. — Харьков : Пролетарий, 1926.
18. Копорский С. А. Воровской жаргон в речи ярославских школьников // Ярославский край. Сб. 1. — Ярославль, 1928 [на обл. — 1929].
19. Младенова О. М. Русское *ходя* // Этимология 2006—2008. — М., 2010. С. 183—191.
20. Огин Е. С. «Все менты — мои кенты...» (Как образуются жаргонные слова и выражения). — М., 2006.
21. Огин Е. С. Из коннотативного словаря русских омонимов (буква Ф) // Восточноукраинский лингвистический сб. Вып. 2. — Донецк, 1996.
22. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. — М., 1931.
23. Рыбникова М. А. Об искашении и огрубении речи учащихся // Родной язык в школе. 1927. № 1. С. 243—255.
24. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. — М., 1928.
25. Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — М., 2001.
26. Соболевский А. И. Мелочи // Русский филолог. вестн. — Варшава, 1911. Т. 66.
27. Соколова Т. П. Филонил ли Филон? // Нертепеум [= Вестн. Литерат. ин-та им. А. М. Горького. 2012. № 1]. С. 144—150.
28. Трубачев О. Н. Этимологические мелочи // Этимология. 1964. — М., 1965. С. 133—134.
29. Трубачев О. Н. Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. — М., 1984.
30. Ужинин Е. Заемствования из балканских языков в турецком арго // Аспекты алтайского языкознания. — М., 2007.
31. Успенский А. Продолжение оценского наречия // Труды О-ва любителей рос. словесности. — М., 1822. Кн. 1. Ч. 1. 24.
32. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Жизнь русского слова. — М., 2006.

СЛОВАРИ

33. Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.
34. Большой толковый словарь русского языка = БТС / авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. и ред.-лексикограф, канд. филол. наук С. А. Кузнецов. — СПб., 1998.
35. Быков В. Б. Русская феня. — Смоленск, 1994.
36. Водарский Вяч. А. Список некоторых областных слов // Русский филологический вестник. 1912. Т. 68. № 4.
37. Гавкин Н. Я. Карманный словарь иностранных слов. Изд. 20-е. — Киев : Харьков : СПб., 1903.
38. Грачев М. А., Мокиенко В. М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. — СПб., 2000.
39. Громов А. В. Жгонский язык : словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского р-ов Костром. обл. — М., 2000.
40. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Изд. О-ва Любителей Рос. Словесности, учрежд. при Императорском Моск. Ун-те. Печатано на счетъ всемилостивейшего пожертвованныхъ средствъ. — М., 1865. Ч. 3.
41. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 1—4. СПб. ; М., 1880—1882. Переизд. — М., 1955.
42. Елистратов В. С. Словарь русского арго. — М., 2000.
43. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М., 2000. Т. 2 : П—Я.
44. Коровукин В. П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII—XX вв. — Екатеринбург, 2000.
45. Миртов А. В. Донской словарь : материалы к изучению лексики донских говоров. — Ростов н/Д, 1929.
46. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб., 2000.
47. Настольный словарь для справокъ по всемъ отраслямъ знанія въ III томахъ / сост. под ред. В. Ф. Зотова и Ф. Толля. — СПб. : Изд. Ф. Толля, 1864. Т. 3.
48. Новгородский областной словарь. — Новгород, 1994. Вып. 7 : Опометь — поберяха.
49. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Изд. 21-е. — М., 1989.
50. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57000 сл. Изд. 9-е. — М., 1972.
51. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1992.
52. Орфографический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова, А. Б. Шапиро. — М., 1956.
53. Орфоэтический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Авансова. — М., 1985.
54. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. — М., 1966.
55. Потапов С. М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). — М., 1927.
56. Росси Жак. Справочник по ГУЛагу : исторический слов. сов. пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. — Л., 1987.
57. Русское литературное произношение и ударение : словарь-справочник / под ред. Р. И. Авансова и С. И. Ожегова. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959.
58. Сводный словарь современной русской лексики : в 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. — М., 1991.
59. Словарь русских говоров Приамурья = СРГП₁. — М., 1983.
60. Словарь русских говоров Приамурья = СРГП₂. 2-е изд. — Благовещенск, 2007.
61. Словарь русских донских говоров : в 3 т. — Ростов н/Д, 1975—1976.
62. Словарь русских народных говоров = СРНГ. — М. ; Л., 1966—2006. Вып. 1—40.
63. Словарь русского языка = МАС₁ : в 4 т. — М., 1957—1961.
64. Словарь русского языка = МАС₂ : в 4 т. 2-е изд. — М., 1981—1984.
65. Словарь современного русского литературного языка = БАС : в 17 т. — М. — Л., 1948—1965.
66. Слownik української мови. — Київ, 1975. Т. 6: П — Пойти.
67. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. — М., 1985.
68. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940. (Ушаков).
69. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. — М., 2007.
70. Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка («жаргон» тюрьмы) / под ред. и с предисл. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — СПб., 1908.
71. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1973. Т. 4.
72. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб., 2004.
73. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. — М., 1993.
74. Этимологический словарь русского языка = ЭСРЯ. — М., 2007. Вып. 10.
75. Этимологический словарь славянских языков = ЭССЯ. М., 1994. Вып. 20.
76. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «к» = ЭСТАЯ. — М., 2000. С. 179—180.
77. Streckelj K. Slavische Wortdeutungen. 1 // Archiv für slavische Philologie. Bd. 27. Hf. 1. — Berlin, 1905. S. 41—44.
78. Vasmer M. Russisches Etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1958. Bd. 3.

ИСТОЧНИКИ

79. Антонов С. Овраги. Васъка : повести. — М., 1988.
80. Кандыба Ф. Каменщики // Наши достижения. 1931. № 10/11. С. 35.
81. Пантелеев Л. Главный инженер // Дружные ребята. 1944. № 2—3. С. 5.
82. Пантелеев Л. Зеленые береты // Костер. 1962. № 1. С. 46.
83. Пантелеев Л. Магнолии // Собр. соч. : в 4 т. — Л., 1970. Т. 2.
84. Пантелеев Л. Портрет // Собр. соч. : в 4 т. — Л., 1970. Т. 1.
85. Пантелеев Л. Портрет. — Л. ; М., 1928а.
86. Пантелеев Л. Часы // Пионер. 1928б. № 5. С. 6.
87. Пантелеев Л., Белых Г. Г. Кляузная слама // Пионер. 1927. № 9.
88. Шишков В. Я. Собрание соч. : в 8 т. — М., 1961. Т. 3.
89. Шишков В. Я. Странники. — Л., [1931].
90. Шишков В. Я. Странники. — Л., 1932.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов